

Шостакович Дмитрий Дмитриевич

16.11.96.

Культура. - 1996. - 16 ноября - с. 13

Правдивый вымысел

ПРЕМЬЕРА

Елена ТРЕТЬЯКОВА

.....
"Сильно продвинул оперу "Игроки", — так писал Д.Д. Шостакович в одном из своих посланий с пометой "Куйбышев. 1942 год". Спустя 50 лет Юрий Александров тоже "продвинул" оперу, но уже на сцену — Камерный музыкальный театр "Санкт-Петербург опера" представил "Игроков" на подмостках Дома актера.

Если бы спектакли подписывали, помета осталась бы неизменной: "Куйбышев. 1942 год", ибо постановка именно об этом — о написании оперы, об атмосфере трудных лет, об эвакуации, вырвавшей из привычной жизни, ритма, общения, о внутреннем мире композитора, только что закончившего трагическую Седьмую симфонию и обратившегося к исполненным сарказма строкам Гоголя. Пьеса почти без изменений переводилась на музыкальный язык, подобно "Каменному гостю" Даргомыжского или "Женитьбе" Мусоргского.

"Игроки" Шостаковича — это меньше часа музыки, опера осталась незаконченной. "Игроки-1942" по Шостаковичу и о Шостаковиче — вполне законченный спектакль.

На сцене располагается оркестр, стоит рояль, несколько стульев, столик с телефоном. Все это трудно назвать декорацией, скорее перед нами репетиционная обстановка. Вот шумно в зал врываются оркестранты, кто в чем, одеты кое-как — эвакуация — с чемоданами, котомками, свертками, инструментами. Вот сам композитор (по программке Автор) в

длинном, тяжелом пальто, с портфелем, из которого как-то неловко вынимаются... домашние тапочки. Он произнесет всего несколько слов (телефонный разговор), так и останется в основном за роялем наблюдая, вслушиваясь, заноса исправления в нотный текст на пюпитре. А рядом, почти на авансцене, пойдут репетиция — рождение "Игроков". Герои-актеры (как и все, кто на подмостках, они в костюмах военных сороковых) не столько изображают гоголевских персонажей, сколько собственную жизнь с ее подлогами, обольщениями и предательством.

Вот, собственно, и все — эпизоды оперы "Игроки" и эпизоды бытия их автора, запечатленные в письмах (читает Ю.Александров не формально, не актерски, а лично от себя как постановщика спектакля). Письма Шостаковича, адресованные И.Гликману, М.Шагинян, В.Шебалину, безыскусны, но Александров читает, вскрывая подтекст, обнаруживая второй план — тот, что всегда присутствовал, осознавался понимающими людьми двадцатых, тридцатых, сороковых... И хотя звучит музыка, искрящаяся юмором, и хотя ситуации "Игроков" абсурдно смешны, и хотя зал откликается улыбками, как-то не по себе, жутковато, страшно.

В программке сказано, что "Игроки-1942" — "документальный спектакль" (сценарий Ю.Димитрина), это так и не так. Он документален только в смысле использования подлинных писем, текстов выступлений, самой музыки композитора той поры. Ситуация же репетиции, сочинительства выдумана и столь же нереальна, как сами "Игроки", названные Шостаковичем "нереальной оперой".

Александров и Димитрин придумали нереальный и документальный спектакль, но кажется, что все в нем — правда.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

153